

Роман РАБИНОВИЧ

КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИЕ ЗЕМЛИ И КИЕВСКАЯ РУСЬ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Древнерусская культура в Карпато-Днестровских землях, безусловно, отличалась заметным своеобразием по сравнению с другими районами ее распространения. На это повлияли такие факторы: время и обстоятельства, при которых этот регион вошел в состав Киевской Руси, а культура местного населения попала под ее влияние; этнический состав населения этого региона в период вхождения в состав Киевской Руси; адекватность культуры и самосознания местного населения культуре и самосознанию населения Русской земли. Рассмотрим некоторые из этих вопросов

Вопрос о времени и обстоятельствах, когда уличи и тиверцы - единственные группы оседлого населения, этнонимы которых нам известны для этого времени - вошли в состав Киевской Руси, издавна привлекал внимание исследователей (Рабинович 2005). Они определяют в контексте взаимоотношений Древнерусского государства, Византии, Первого Болгарского царства, венгров, печенегов, и их исследование позволяет полагать, что подчинение поднепровских племен уличей и тиверцев Киевской Руси произошло не ранее второй половины 30-х - самого начала 40-х гг. X века (Рабинович 1997: 6; 2001).

Попытку подчинить поднепровские племена Русь предприняла еще в 885 году, но киевскому князю Олегу завоевать их помешали венгры, пребывавшие в Днестро-Дунайском междуречье («Ателькузе») накануне своего перехода в Паннонию (Вернадский 2004 КР: 32-34). Судя по данным письменных источников, с 30-х гг. IX в. по 30-е гг. X в. венгры могли оказывать влияние политического и культурного характера на Карпато-Днестровские земли. Их непосредственное пребывание в регионе оказало существенное влияние на взаимоотношения местного населения с могущественными соседями - Киевской Русью и Дунайской Болгарией. Об их влиянии на культурное развитие региона, частично обусловившее своеобразие местной древнерусской культуры, можно судить на основании уже археологических источников (Рябцева, Рабинович 2007).

Среди факторов, определивших особенности взаимодействия Древней Руси и Карпато-Поднепровья, можно отметить продолжитель-

ность периода власти Киева над этими территориями. В период, по крайней мере, до начала – середины XI в. они находились под властью Руси. Начавшееся после этого ослабление позиций Древней Руси в этом регионе было вызвано центробежными тенденциями в развитии этого государства и деструктивной ролью кочевников, двигавшихся к Дунаю из глубин Евразийской степи. Карпато-Поднестровье в последующий период частично находилось в зоне политического влияния кочевников, а частично представляло собой нейтральную полосу между Галицким княжеством и кочевниками. Все попытки киевских и галицких князей утвердиться в этом регионе в XII-XIII вв. оставались безуспешными (Рабинович 1997:6-7; 2000:374-376; 2005а).

В связи с поставленной выше проблемой неизбежен вопрос, насколько самосознание местного населения было адекватно самосознанию населения Русской земли. За неимением других источников актуальным становится рассмотрение вопроса о том, какое место уличей и тиверцев занимали в представлениях русских летописцев. Своеобразие положения уличей и тиверцев в летописи может объясняться своеобразием их этнического происхождения (дискуссии – см. Трубачев 1961; Добродомов 1970; Хабургаев 1979; Рабинович 2003; 2005; и др.). Но не только этим.

О выделяющемся по сравнению с другими племенами положении уличей и тиверцев писали С. М. Соловьев (1988:88), И.И. Ляпушкин (1968:13), М.Ю. Брайчевский (1983:100), Д.А. Мачинский (1981:38-44). Как показывает анализ работы Г.С. Лебедева, предложившего классификацию племен ПВЛ (1983), выделение уличей и тиверцев было совершенно справедливо. Этим племенам не нашлось места в «табели о рангах» ни среди «высших», ни среди «низших», по представлениям летописца, племен. В пространственной организации и политической структуре ПВЛ места для уличей и тиверцев также не оказалось. Информация об этих племенах представлена автором летописи только по одному из рассматриваемых Г.С. Лебедевым аспектов – по поводу расселения. Можно предположить, что уличи и тиверцы были в представлении летописцев не только и не столько «самыми западными» племенами среди восточного славянства, но и, в равной степени, а может быть и в большей, «самыми восточными» среди западнославянских и южнославянских народов. Эти народы не входили в понятие летописца в состав этнокультурного и геополитического пространства Руси, представлялись западной пограничной окраиной Руси, автохтонным «дунайским» населением (Рабинович 1997; 2003).

После вхождения уличей и тиверцев в состав Древнерусского государства они перестают упоминаться в русских письменных источниках. Принято считать, что они, как и другие племена ПВЛ, участвова-

ли в формировании древнерусской народности. Трудно сказать, ощущало ли себя славянское население Карпато-Днестровского региона в период прочной власти здесь Киевской Руси населением русским. По всей видимости, да. Косвенное подтверждение этому можно усмотреть в том, что более поздние источники (европейские, византийские, восточные) в то время, когда эти территории уже отошли из-под власти Киева, по традиции относят их к Руси (Рабинович 1999; 2000:374-376; 2005a).

В XII-XIII вв. письменными источниками в качестве населения Карпато-Днестровских земель названы волохи, берладники, бродники и галицкие выгонцы. За последними тремя общностями можно видеть славянское этническое происхождение и русское этническое самосознание (Рабинович 1997:7-8; 1999; Тельнов, Степанов, Руссев, Рабинович 2002:132-209). Однако в самой Руси они вряд ли воспринимались как «свои русские». Можно вспомнить летописное известие 1174 г. о том, что Андрей Боголюбский разгневался на Ростиславичей и велел им передать: «... не ходите в мое воли. Ты же Рюриче поиди въ Смолньскъ къ брату во свою отчиноу а Давиду рци а ты поиди въ Берладъ а в Руськои земли не велю ти быти...» (ПСРЛ 1962: II,573).

Теперь от информации источников письменных обратимся к археологическим данным.

Северную и частично центральную часть Пруто-Днестровского междуречья с начала X в. занимают древности культуры, которую называют древнерусской (Древняя культура Молдавии 1974:109-126; Федоров, Чеботаренко 1974). Не имея возражений против такого названия для местных древностей, достаточно сложно согласиться со ставшими традиционными интерпретациями происхождения и особенностей древнерусской культуры в Поднепровье.

По общепринятому мнению, древнерусская культура в Поднепровье – это результат развития местных древностей культуры Лука-Райковецкая (их носитель - восточные славяне) под воздействием Древнерусского государства, принесшего сюда новые культурные образцы. Влияние Древнерусского государства на местную культуру носило нивелирующий характер, оно привело к формированию здесь культуры, полностью аналогичной культуре других регионов Древней Руси (Древняя культура Молдавии 1974; Тельнов 2003:251-252). Рассмотрим эти положения.

Роль древностей Лука-Райковецкой культуры как местной подосновы в формировании древнерусской культуры, в целом, конечно же, неоспорима. Парадоксально другое. Именно такие яркие и выразительные памятники как Екимавцы, Алчедар и им подобные, считающиеся эталонными памятниками древнерусской культуры в Поднепровье, наиболее далеки от традиций Лука-Райковецкой культуры.

Например, эталонными древнерусскими погребальными памятниками на территории Пруто-Днестровского междуречья считаются и Бранештский грунтовый и Алчедарский курганный могильники, несмотря на их различающуюся обрядность (Федоров 1964; 1964а:67-80; 1968:85-93; 1974:273-279; Федоров, Чеботаренко 1974:101-103; Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984).

Однако нижний горизонт могильника Бранешты датируется более ранним временем, чем Алчедарский могильник. Имеются и серьезные культурные отличия между двумя памятниками. Факт синхронного существования на небольшой территории двух типов обрядности свидетельствует в пользу того, что их происхождение различно, и что они оставлены разными в культурном отношении группами населения. Древнерусское население, оставившее Бранештский могильник, безусловно, связано происхождением с носителями местных Лука-Райковецких древностей. Что же касается Алчедарского могильника, то такая связь не прослеживается (Рабинович 2005б).

Совокупность материалов, происходящих из памятников типа Екимауцы-Алчедар, дает наиболее выразительное представление о присутствии в данном регионе западнославянского населения, появившегося на этой территории незадолго до ее вхождения в состав Древнерусского государства. Наличие данного компонента выделяется по особенностям фортификации, керамики, предметов вооружения и особенно набору ювелирных украшений. Рассмотрим их.

К древнерусскому времени в Пруто-Днестровье относятся около двух десятков городищ - сложномысовых и круглых. Городища типа Екимауцы-Алчедар все круглые, отнесенные П.А.Раппопортом вместе с аналогичными на Южном Буге к первой группе круглых городищ, отличаются по конструктивным особенностям укреплений и топографическим условиям месторасположения от других круглых городищ Западной Руси (Раппопорт 1967:196, рис. 153).

В отличие от сложномысовых городищ на кольцевых городищах типа Екимауцы-Алчедар подстилающего культурного слоя с лепной и раннегончарной керамикой типа Луки-Райковецкой нет. Факт синхронного существования на небольшой территории двух типов городищ – сложномысовых, на которых прослеживается переход от Лука-Райковецкой культуры к древнерусской, и кольцевых, на которых такого перехода нет, но есть выразительный набор западнославянских элементов, – свидетельствует в пользу того, что их происхождение различно, и что они оставлены разными в культурном отношении группами населения - местным и пришлым, западнославянским (Рабинович 2006).

В домостроительстве кольцевых городищ Пруто-Днестровья встречаются элементы, не известные здесь ранее в Лука-Райковецких древностях - прямоугольные наземные постройки, открытые очаги, жаро-

вни в виде вкопанных в пол горшков, подмазанные глиной пол в землянках, тамбуры входа (Федоров 1974:248-249, 250-255). Происхождение одних элементов в местной домостроительной культуре неясно, происхождение других явно указывает на влияние западнославянской и салтовской традиций.

Существенны отличия в керамическом комплексе. Вся керамика на городищах Екимауцы-Алчедар гончарная, близкая западнославянской посуде, не показывающая преемственности от керамики типа Луки-Райковецкой в регионе. Помимо различий в пропорциях и орнаментации сосудов особенно показательны отличия в ассортименте (на кольцевых городищах Екимауцы-Алчедар, в отличие от других типов древнерусских памятников, встречаются типичные западнославянские «воротничкообразные» горшки, сосуды формы сфероконуса (Древняя культура Молдавии 1974:121, рис. 39; Федоров 1960: табл.60,4; Хынку 1971:86-87, рис. 7) и технологические отличия – например, наличие в качестве примеси в тесте слюды (Равдина 1988:59; но ср.: Гольцева, Кашуба 1995:49). Специальное включение слюды в тесто не применялось в Лука-Райковецкой культуре региона, что указывает на миграционный характер происхождения памятников типа Екимауцы-Алчедар. Со временем отличия в керамическом комплексе двух разных по происхождению групп древнерусских памятников в Пруто-Днестровском междуречье стираются, а в XI в. керамика региона носит отпечаток интегративных связей различных местных культурных групп (Рабинович 1997:13).

По вещевому инвентарю по сравнению с другими древнерусскими памятниками Пруто-Днестровья поселения типа Екимауцы-Алчедар выделяются как концентрацией предметов оружия, снаряжения всадника и коня, так и их ярко выраженной этнокультурной диагностичностью, указывающей на западнославянское происхождение. Среди таких находок – алчедарская шпора «каролингского типа» с ромбовидным шипом, наконечник ножен сабли, аналогичный венгерским древностям, поясной набор и, конечно же, втульчатые одношипные и втульчатые шиловидные наконечники стрел (рис. 3, 1-7). Последние единицами встречаются в Восточной Европе, а на Екимауцах и в Алчедаре они найдены в количестве 70 и 90 экз. соответственно (Федоров 1960:284; 1953:106,109; Рафалович 1972:185; Кирпичников 1973:57,64,108; Равдина 1988:56,66; Медведев 1966:57; Рабинович 1997:13; Rabinovici 2002).

Зона кольцевых городищ Екимауцы и Алчедар в Пруто-Днестровье наиболее насыщена ювелирными украшениями, в том числе имеющими аналогии в западнославянских и венгерских древностях Подунавья. Именно здесь широко представлены серебряные изделия с зер-

нью (Федоров 1953:125; Рябцева 2006:145,146). На Екимауцком городище найдены не только серебряные серьги «волинского» типа, но и бронзовые литые подражания им, что отвергает идею об импорте (Рябцева 2005). О влиянии западнославянского ювелирного дела свидетельствуют лунницы с Екимауцкого городища. Кроме вещей с зернью для кольцевых городищ характерна подборка и более простых украшений, которые встречаются и на других памятниках в Поднестровье. Подобные типы украшений встречаются как в памятниках Древней Руси, так и в древностях культуры Биело Брдо в Подунавье, где считаются наследием восточноевропейского этапа истории венгров. На Екимауцах были найдены и детали поясной и сумочной гарнитуры. Эти изделия имеют параллели как в дружинных могильниках Древней Руси (Гнездово, Тимерево, Михайловское, Шестовицы), так и в памятниках Карпато-Балканского региона (Пэкуял луй Соаре (Румыния), Преслав, Надарова, Пет могила (Болгария) и особенно Венгрии (Рябцева, Рабинович 2007).

Итак, славянское население Карпато-Днестровского региона в период установления господства Древней Руси было неоднородным в этническом и культурном отношении. В этом плане Киевская Русь действительно оказала нивелирующее влияние на формирование здесь единой однородной древнерусской культуры. Но этим моментом все своеобразие не объясняется и не исчерпывается. Значительную роль мог сыграть и венгерский фактор. Кроме политической роли в IX – начале X вв., возможно, не менее существенным было непосредственное влияние венгров на культуру местного населения Карпато-Днестровского региона.

На территории Молдовы находки, связанные с венграми, хоть и не многочисленны, но достаточно выразительны, встречаются на всех типах памятников – сельских (например, Ханска, Дэнешть) и протогородских (Екимауцы, Орхей) поселениях, могильниках (Лимбарь, Кэпрэрия) и кладях (Рэдукэнь). И в культурном отношении памятники, на которых выявлены находки, связанные с венграми, разнородны. Это и памятники типа Екимауцы-Алчедар (интерпретируемые как памятники древнерусской культуры Поднестровья), и памятники центральной зоны Молдовы – культурные группы Петруха и Ханска (интерпретации происхождения которых дискуссионны). Учитывая некоторую культурную разнородность групп памятников в Молдове, где выявлены элементы венгерского культурного присутствия или влияния, можно полагать, что они могут отражать разные явления.

Например, для памятников типа Ханска в центральной зоне Молдовы можно предположить, что за венгерскими находками стоит непосредственное присутствие представителей венгерского этноса или вен-

герской культуры. Об этом свидетельствуют детали ременной гарнитуры, но особенно находки женских украшений - специфических признаков венгерской женской субкультуры (см. выше). В литературе неоднократно отмечался полиэтничный характер происхождения памятников центральной зоны Молдовы с участием салтово-маяцкого культурного компонента (Древняя культура Молдавии 1974:127-150; Хынку 1970;1973; Чеботаренко 1982; Рабинович 1990;1991; 1997; Великанова 1978;1983).

А вот присутствие на памятниках типа Екимауцы-Алчедар (к которым по набору вещей относится и клад Рэдукэнь) находок венгерского облика свидетельствует, в первую очередь, не о непосредственном присутствии венгров (это можно только предполагать с очень небольшой долей уверенности). Бесспорно, можно вести речь о распространении на территории Карпато-Поднестровья специфической дружинной субкультуры, на сложение которой оказывала влияние венгерская традиция. Из Екимауц и Рэдукэнь происходят сабля и наборные пояса, изготовленные в венгерской традиции, причем весьма показательно, что эти находки в Екимауцах сделаны при открытии мастерской ювелира и кузнеца, что подтверждает их местное бытование. Пользоваться такими поясами и оружием могла местная знать, воспринявшая от венгров престижные культурные образцы.

В дружинных захоронениях Древней Руси (Гнездово, Шестовицы, Киев) вещи, выполненные в западнославянской и венгерской традициях, сочетаются со скандинавскими (Рябцева, Рабинович 2007). На территории Молдовы этот скандинавский компонент в древнерусской культуре отсутствует, в нем вообще не найдено элементов скандинавской культуры. В этом также состоит один из моментов своеобразия древнерусской культуры Поднестровья. Можно предположить, что именно венгры изолировали местные древности от скандинавского влияния. Венгры в Карпато-Днестровском регионе могли сыграть роль этнокласса, консолидирующего местное полиэтничное общество, подобно тому, как это сделали варяги в Восточной Европе, консолидируя славянское, балтское и финно-угорское население. Более того, это обусловило своеобразие древнерусской культуры здесь уже после вхождения Поднестровья в состав Киевской Руси.

К особенностям развития древнерусской культуры в Карпато-Днестровском регионе можно отнести и тот момент, что все местные погребальные комплексы значительно отличаются от типичных древнерусских дружинных могильников и срубных, камерных погребений. Это, конечно же, свидетельствует о том, что местное древнерусское общество еще не достигло той стадии социальной стратифицированности, которую мы можем наблюдать в это время в других регионах Руси.

С этим же связана и проблема формирования древнерусского города в Пруто-Днестровском междуречье. Местные протогородские ремесленные центры так и не успели стать полноценными древнерусскими городами (Быря 1984:21-31; 1991:186-205; Тимошук 1981:119-122).

Таковы некоторые особенности взаимодействия Карпато-Поднестровья и Киевской Руси, что сказалось в своеобразии развития в этом регионе древнерусской культуры. В самом общем виде можно сделать вывод о том, что они обусловлены географическим расположением региона, находящегося в «контактной зоне» между разными культурно-историческими мирами.

ЛИТЕРАТУРА

Брайчевский М.Ю. 1983. Восточнославянские союзы племен в эпоху формирования древнерусского государства // Древнерусское государство и славяне. Минск, Наука и техника. С. 100-103.

Быря П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, Штиинца.

Быря П.П. 1991. К проблеме градообразования в Поднестровье в период раннего средневековья. // Древности Юго-Запада СССР (I-середина II тысячелетия н.э.). Кишинев, Штиинца, С. 186-205.

Великанова М.С. 1978. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I-II тысячелетиях. // Славяно-волошские связи. Кишинев, Штиинца, С. 30-76.

Великанова М.С. 1983. Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, Штиинца, С. 20-31.

Вернадский Г.В. 2004 КР. История России. Том 2. Киевская Русь. Москва, Тверь.

Добродомов И.Г. 1970. Два булгаризма в древнерусской этнонимии // Этнонимы. М., Наука. С. 160-163.

Гольцева Н.В., Каиуба М.Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. (Материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.). Тирасполь, Мако.

Древняя культура Молдавии 1974. Кишинев, Штиинца.

Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. САИ Е1-36, Л., Наука.

Лебедев Г.С. 1983. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., Издательство ЛГУ. С. 103-112.

Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА СССР, 152. Л., Наука.

Мачинский Д.А. 1981. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодалных славянских народностей. М., Наука. С. 31-52.

Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. САИЕ1-36. М., Наука.

НПЛ 1950 - Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. Под ред., предислов. А.Н.Насонова. М.-Л., Изд-во АН СССР.

ПВЛ 1950 - «Повесть временных лет», 1950. ч. I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. М.-Л., Изд-во АН СССР.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей. 1962. Т. II. Ипатьевская летопись. М., Изд-во восточной литературы.

Рабинович Р.А. 1990. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, Штиинца. С. 51-57.

Рабинович Р.А. 1991. Гончарный горн на поселении X-XII вв. у с. Рудь // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. Кишинев, Штиинца. С. 99-109.

Рабинович Р.А. 1997. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соиск.уч.степ.канд.ист. наук. Санкт-Петербург.

Рабинович Р.А. 1999. Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации. // Stratum Plus, № 5. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса. С. 357-378.

Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или балканские волюхи и русские волхвы // Stratum Plus, № 5. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса - Бухарест. С. 262-390.

Рабинович Р.А. 2001. Проблема подчинения уличей и тиверцев Киевской Руси в контексте международной политической ситуации IX-X вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции 25-30 мая 1998 года. Ростов-на-Дону. С. 134-136.

Рабинович Р.А. 2003. «От ултинзуров к уличам, или предыстория одного летописного племени» // Stratum Plus, № 5(2001-2002), Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса - Бухарест. С. 282-299.

Рабинович Р.А. 2005. Уличи и тиверцы в оценках историографии // Stratum Plus, № 5 (2003-2004), Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса – Бухарест.

Рабинович Р.А. 2005а. Проблема присутствия Галицкой Руси в Карпато-Днестровских землях в 1140-1240 гг. // Русин. Международный исторический журнал, № 2 (2), Кишинев. С. 69-85.

Рабинович Р.А. 2005б. О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников // Revista Arheologică, Serie nouă. Vol. 1, № 1, Chişinău. С. 120-132.

Рабинович Р.А. 2006. О происхождении и функциональном назначении средневековых круглых городищ в Пруто-Днестровском междуречье // Revista Arheologică, Serie nouă. Vol. II, № 1-2, Chişinău. С. 181-197.

Равдина Т.В. 1988. О датировке городища Алчедар // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, Штиинца. С. 54-71.

- Раннопорт П.А.* 1967. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. МИА, 140, Л., Наука.
- Рафалович И.А.* 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, Штиинца.
- Рябцева С.С.* 2005. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.
- Рябцева С.С.* 2006. Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X-XI вв. // *Revista arheologica. Serie noua. Chişinău*. С. 143-168.
- Рябцева С.С., Рабинович Р.А.* 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX-X вв. // *Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul I, Chişinău* – в печати.
- Соловьев С.М.* 1988. Сочинения в 18 книгах. Книга I. История России с древнейших времен. Т. 1-2, М., Мысль.
- Тельнов Н.П.* 2003. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. // «Stratum Plus», № 5 (2001-2002), Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса – Бухарест. С. 142-264.
- Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А.* 2002. «И разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.
- Тимошук Б.А.* 1981. Древнерусские города Северной Буковины // *Древнерусские города*. М., Наука. С. 116-136.
- Трубачев О.Н.* 1961. О племенном названии уличи // *Вопросы славянского языкознания*, вып. 5. С. 186-190.
- Хабургаев Г.А.* 1979. Этнонимия «Повести временных лет». М., Издательство МГУ.
- Федоров Г.Б.* 1953. Городище Екимауцы // *КСИА*. Вып. 50. С. 104-126.
- Федоров Г.Б.* 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА, 89, М.
- Федоров Г.Б.* 1964. Работы Прутско-Днестровской экспедиции 1960-1961 гг. // *КСИА*, 99. С. 77-88.
- Федоров Г.Б.* 1964а. Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 г. // *Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея*. С. 67-81.
- Федоров Г.Б.* 1968. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. // *КСИА*, 113. С. 85-93.
- Федоров Г.Б.* 1973. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. (по археологическим данным) // *Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма*. Кишинев. С. 42-52.
- Федоров Г.Б.* 1974. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. Москва 1974 - рукопись. Хранится в библиотеке университета Высшая антропологическая школа (Кишинев, Молдова).
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф.* 1974. Памятники древних славян. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 6, Кишинев.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С.* 1984. Бранештский могильник X-XI вв. Кишинев.

Хынку И.Г. 1970. Лимбарь-средневековый могильник XII-XIV веков в Молдавии. Кишинев.

Хынку И.Г. 1971. Керамика славян Поднестровья в X-XII вв. // Известия АН МССР, № 2. С. 80-92.

Хынку И.Г. 1973. Кэпрэрия-памятник культуры X-XII вв. Кишинев, Штиинца.

Чеботаренко Г.Ф. 1982. Население центральной части Днестровско-Прутско-го междуречья в X-XII в. Кишинев.

Rabinovici R. 2002. Vărfurile de săgeată din fier în Moldova medievală timpurie și contextul lor cultural-istoric. // Arheologia Moldovei, XXII, București. P. 233-240.

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ ПОЗДРАВИЛ ПЕРВОИЕРАРХА РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТА ЛАВРА

Предстоятель Русской церкви поздравил первоиерарха Русской зарубежной церкви митрополита Восточноамериканского и Нью-Йоркского Лавра с сорокалетием архиерейской хиротонии и днем тезоименитства.

«Молитвенно пребывая с Вами, через наших посланцев сердечно приветствуем и поздравляем Вас по случаю знаменательных торжеств, посвященных сорокалетию Вашей архиерейской хиротонии и Вашему тезоименитству», - говорится в поздравлении Его Святительства.

«Видя Вашу духовную мудрость и многоопытность в управлении, Господь поставил Вас у кормила Русской Зарубежной Церкви в непростой для нее исторический момент, - сказал святейший патриарх Алексий. - И вот, настал знаменательный день Вознесения Господня 2007 года, когда вся Церковь Русская вкупе с сонмом святых Новомучеников и всех святых земли Российской, предстоящих Престолу Божию, возрадовалась о свершении той миссии, которую Пастыреначальник Христос возложил на Ваше Высокопреосвященство». «Восстановление некогда утраченного единства стало драгоценнейшей жемчужиной в венце Ваших трудов на благо Святой Церкви», - подчеркнул предстоятель Русской церкви.

Правление Общественной организации «Русь», редколлегия международного исторического журнала «Русин» поздравляют владыку Лавра с сорокалетием архиерейской хиротонии и днем тезоименитства и желают владыке дальнейших успехов в деле сохранения и расширения русского православия и русского этнокультурного пространства.